

ХАОС, СТРАХ И ГЕГЕМОНИЯ — НОВЫЙ И СТАРЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

Я хотел бы представить вашему вниманию трехуровневую гипотезу. Она предполагает, что, во-первых, сегодняшняя хаотичность международного порядка является следствием нерешенных структурных противоречий, которые придают динамику существующей системе, но вместе с тем усиливают ее анархичную природу.

Во-вторых, я утверждаю, что следствием этих противоречий является постоянный **страх**, который становится стимулом преобразований, страх выступает уже не средством достижения цели, а *ситуативным* политическим *инструментом*, *фактически* он стал сущностью политики. Сегодня страх служит импульсом и обоснованием политики, заменяя другие источники легитимации власти, такие как демократия, справедливость и общее благо.

В-третьих, в заключение я скажу о том, что реакция на этот **страх** приобретает форму гегемонии в новом прочтении, причем как в региональном, так и в глобальном масштабе, охватывая государственных и негосударственных игроков, что влечет за собой серьезные последствия для национальных государств.

Хочу сказать несколько слов о **методологии первой части** нашего исследования: она основана на диалектическом методе исследования и социальном анализе. Мы анализируем действие, противодействие и их взаимодействие; иначе говоря, провозглашаем тезис, изучаем антитезис и проводим синтез. Эта идея не нова. Концепция социального исследования была предложена Гегелем, а позднее доработана Фихте, который реализовал первые исследования такого рода на практике. Я хотел бы показать вам процесс, антипроцесс и синтез данных двух переменных, который представляет собой сложное взаимодействие двух противоречивых процессов.

І. Пять противоречий мирового порядка

Гегемония против многополярности

Первое противоречие является фундаментальным. Это противоречие между **гегемонией и многополярным миром**, которое уже сейчас, несомненно, привело к изменениям в международной системе. В результате этой борьбы сформируется будущий мировой порядок. С одной стороны в этой борьбе участвуют США и их союзники, с другой — все остальные страны. Гегемон стремится сохранить свою гегемонию (здесь мы не даем моральной или этической оценки этого желания), что позволяет ему обеспечить лучшие условия жизни, более четкое видение будущего и добиться стабильности для своих граждан. Поэтому гегемона или гегемонию нельзя назвать морально или этически неправильным явлением. Проблема заключается в том, что в современном миропорядке сохранение гегемонии практически невозможно, поэтому гегемону приходится вступать в конфликт с многополярным миром, представленным другими странами. Совершенно очевидно, что следующие несколько лет будет продолжаться противостояние в рамках парадигмы «мы против всех остальных».

Как нетрудно заметить, эта борьба основана на противоречиях между системой «США + Евросоюз» (гегемония США с условной поддержкой ЕС) и системой «китайских экономических проблем и российских задач защиты глобальной безопасности». В 2018 году ВВП Китая сравнялся с ВВП США. Этот факт ничего не говорит о качестве жизни в Китае или США, но важно понимать, что произошедшее посылает США вполне определенный сигнал.

Как же реагирует на эти процессы гегемон? В ответ он начинает изобретать новые, доселе не известные инструменты для сохранения своей гегемонии. С этой целью США за последние 6–10 лет выступили с серией инициатив, которые стали известны как «Три Т»: Транстихоокеанское партнерство (ТТП — 12 стран), Соглашение о торговле услугами (ТиСА) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП с ЕС). Президент Трамп предпринимает попытки заблокировать некоторые из этих

проектов, но переговоры ведутся. Мы полагаем, что администрация Трампа, по всей вероятности, достигнет определенного прогресса в этих переговорах.

Вышеназванные договоры с помощью институциональной и нормативной базы позволяют захватить ключевые позиции, чтобы США и Европейский союз сохраняли положение гегемонов. Интересен факт, что если эти соглашения будут заключены, страны, подписавшие эти договоры, будут контролировать две трети мирового ВВП. А значит, в ближайшие годы возникнет новый мировой порядок, основанный на новой гегемонии — не военной и даже не экономической. Интересно также и то, что ни в одном из этих соглашений не фигурирует Китай. Россия также не приглашена ни в одно из них. Вообще страны БРИКС исключены из этих договоров. Это серьезный сигнал, который доказывает существование противостояния «мы против всех остальных», когда те, кто не следует правилам, исключаются из ключевых нормативных и институциональных структур, при помощи которых мы формируем будущее.

Глобализация против политики идентичности

Второе противоречие, которое служит основой для формирования нашего будущего, — это **глобализация (универсализация) против политики идентичности** (автономизация идентичностей, которая впоследствии приводит к их радикализации). Одной из основных характеристик глобализации является универсализация норм, культур, поведения, институтов и систем управления, а также коммодификация социальных отношений. Основная задача глобализации состоит в том, чтобы заставить экономическую систему работать более гладко, улучшить состояние экономики и повысить ее эффективность, но универсализация поведения и норм, очевидно, является более простым понятием. Проще иметь одну модель разрешения проблем, предлагать одно решение вместо рассмотрения нескольких вариантов. Поэтому универсализация является одним из ключевых элементов нынешнего этапа глобализации.

В то же время люди отрицательно относятся к потере своей идентичности, культуры, обычаев, религии, истории. И в качестве ответа на универсализацию возникает политика идентичности в разных ее проявлениях — религиозном, гендерном, этническом и т. д.

Политика идентичности — процесс не новый, но мы вступаем в его новую фазу, в которой политика становится зависимой от идентичности. Политика все чаще реагирует на столкновение идентичностей, классовую борьбу, борьбу культур, других видов идентичностей и, наконец, часто становится основой для формирования групп идентичностей. Последние, развиваясь, оказывают все большее давление на политику, заставляя политиков обеспечивать то, на что, по их мнению, они имеют право. Эти группы, политические партии или социальные движения выделяются на основе культуры, религии, социального класса или касты, диалекта, инвалидности, образования, этнической принадлежности, языка, национальности, пола, гендерной идентичности, поколения, профессии, сферы занятости, расы, политической и партийной принадлежности, сексуальной ориентации, места поселения, городской и сельской местности и статуса ветеранов.

Другими словами, новая политика идентичности заменяет собой существовавшие когда-то большие общественные группы по интересам, которые становятся все более специализированными. Так как государство не имеет возможности реагировать на каждую группу интересов в сфере идентичности, некоторые из них становятся все более радикальными. Они считают так: «Если нам не дают то, что мы хотим, нужно выражать свое несогласие более открыто, более радикально, потому что тогда государство прислушается и отреагирует на наши требования».

Поэтому следующий этап — это борьба между политикой идентичности и универсализацией. Результат борьбы будет иметь значение для государственной политики и поведения государства: чем слабее государство, тем более оно склонно реагировать на политику идентичности. Государство

более не реагирует на социальные потребности; оно реагирует на потребности групп идентичности, что меняет отношения между государством и гражданами.

Такие изменения, очевидно, приводят к росту социальных протестов, потому что чем более радикальны группы, тем более заметна их деятельность. В результате возникает дисбаланс в отношениях между государством и группами интересов. Классический пример — группы пенсионеров во всем мире. Гласность и сила их совместных действий заставляют некоторые государства обращать больше внимания на пенсионеров, чем на детей. Если вы посмотрите на статистику Евросоюза, то заметите, что социальные расходы на все группы снижаются год от года, за исключением одной-единственной группы — пенсионеров. В области здравоохранения на детей выделяется все меньше средств, в то время как социальное обеспечение пенсионеров, включая расходы на здравоохранение, ежегодно растет во всех странах ЕС. Эта ситуация является угрожающей.

Богатство против бедности

Третье противоречие возникает между **богатством и бедностью**. По данным Всемирного банка, из 7,4 млрд человек на Земле 1,1 млрд живет за чертой бедности, которая составляет 1,25 доллара в день, а еще 2,7 млрд человек вынуждены довольствоваться менее чем двумя долларами в день. Это означает, что около 40 % населения планеты живут за чертой бедности. Этот факт описан в книге французского экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». Основной постулат этой книги гласит: «Капитал имеет свойство к самовоспроизведению». Эта идея не нова, так в свое время говорил и Карл Маркс. Пикетти в своей книге доказывает, что происходит некоторая *олигархизация* капитала: суммы наследуемого богатства растут в геометрической прогрессии, а другие социальные группы вынуждены с этим мириться.

За книгой Пикетти последовал отчет Оксфамы «О бедности» (2017), подготовленный для конференции в Давосе. В этом отчете говорится, что всего

восемь человек на планете владеют богатством, которое эквивалентно сумме личных средств 3,6 млрд беднейших жителей Земли. Этот факт шокирует с точки зрения не столько морали или этики, сколько возможных последствий такого расслоения.

Последствия растущего неравенства заключаются в следующем.

1. Влияние на демократию: обычно считается, что один голос приходится на одного человека, но теперь все чаще становится понятно, что демократический театр превращается в представление под названием «один доллар = один голос». Недавно мы наблюдали за двумя самыми дорогими выборами в истории человечества. Как показали в своей книге «Капитал как власть» Джонатан Нитцан и Шимшон Бихлер, капитал становится политической властью. Авторы представили большой объем экономических доказательств прямого влияния капитала на политическую власть.

2. Уход от налогов: сверхбогатые люди эффективно уходят от налогов, потому что всю свою прибыль они держат в «налоговом раю». Это очень важно, поскольку уплата налогов жизненно необходима для поддержания социальной стабильности в государстве: налоги обеспечивают социальные интересы общества и безопасность страны. Если вы не платите налоги, то функция государства по защите вышеназванных интересов снижается.

3. Глобальный контроль за рынком труда: в результате возникает серьезная борьба за максимальное снижение МРОТ в большинстве стран, в том числе в Северной Америке. По данным статистики, более 300 млн человек работают без гарантии обеспечения МРОТ. Это явление возникло не только в результате политических манипуляций, во всем мире наблюдается «жонглирование» уровнем зарплат.

Резюмируя, заметим, что если демократический процесс окажется подвержен меркантилизации, то это приведет к краху мифа либерального порядка. Такое развитие событий опасно для тех, кто верит в миф, что имеет возможность влиять на политику, и думает, что голос, отданный на выборах, может иметь хоть какое-то значение для избирателя.

Государство против рынка

Четвертое, самое старое противоречие возникает между **государством и рынком**. Отношение экономистов и политиков к этому вопросу изменяется по синусоиде: сотрудничают или не сотрудничают государство и рыночная экономика, каковы отношения между ними и следует ли государству влиять на развитие рынка, или рынок должен самостоятельно об этом позаботиться. Другими словами, вопрос заключается в том, должно государство нести ответственность за наше благосостояние или условия для процветания общества должен создавать рынок.

Это противоречие принимает форму синусоиды, потому что, по мнению некоторых людей, согласно *кейнсианской* модели, государство должно управлять рынком. Самые крупные проекты 1920-х, 1930-х, 1940-х годов и последующего времени, такие как социализм, основаны на этой идее. На этой же идее — что государство должно руководить рынком — основан и фашизм. На смену этим проектам в 1970–1980-х годах пришел неолиберальный порядок, который постепенно завоевал ведущее положение. Согласно этому порядку, именно рыночная экономика способствует развитию и накоплению богатства. Как оказалось, ни одна из этих моделей не сработала. Кризис 2007–2008 годов показал, что ни рынок, ни государство поодиночке не способны дать гражданам то, что они им обещают. Поэтому граждане утратили доверие как к государству, так и к рынку. Это означает, что сегодня мы не верим никому, даже банкам, которые теперь выплачивают огромные штрафы за манипулирование рынком во время кризиса.

В результате даже предприниматели потеряли веру в собственную систему. Решением может стать создание параллельной системы между государством и рынком, в которой государство играет роль корпоративной страховой компании для нарождающихся производительных сил, оказывая им помощь в завоевании позиции на рынке и преодолении конкуренции. Этот подход отличается от стратегии импортозамещения, поскольку последняя

предполагает, что государство будет помогать рынку неопределенно долго. В результате государство предоставляет корпоративное преимущество отдельным секторам промышленности, создавая из них конкурентоспособные отрасли на мировом уровне. Так произошло в Китае, на Тайване, в Сингапуре, Малайзии и Южной Корее. Таким образом, никаких споров между государством и рынком более не существует. Спор теперь идет о том, насколько глубоким должно быть сотрудничество между государством и рынком, чтобы сбалансировать интересы национального и глобального рынков.

Проблема состоит в том, что если государство желает сотрудничать с рынком, то оно должно быть относительно сильным, а это обычно не так. Государства не могут устоять под давлением глобализации. Они становятся все слабее и слабее. Волна неолиберализации привела к приватизации многих государственных услуг. Какова теперь будет роль государства в защите интересов граждан? Почти нулевая. А если государство не в состоянии защитить интересы граждан, государственный аппарат становится бесполезным. Зачем нужны политические партии и парламенты, если в результате не возникает политической жизни?

Спор между государством и рынком касается не только экономических вопросов. Параллельно идет формирование нашей будущей политической системы. Мы превращаемся в потребителей. За последние двадцать лет мы стали свидетелями фундаментального роста силы денег. Люди зарабатывают много денег, товары обходятся им дешевле, они начинают превращаться в потребителей. Мы более не нужны рынку как граждане, потому что граждане стремятся сделать самостоятельный выбор, а рынок диктует нам свой. Проблема состоит в том, что эти два процесса несовместимы: чем в большей степени мы становимся потребителями, тем меньше в нас остается того, что делало нас гражданами.

Власть против политики

Пятое противоречие, которое следует из предыдущего, называется **«власть против политики»**. В настоящее время власть постепенно отходит от политики и определяется как способность приносить реальные изменения в жизнь, менять ход событий. Политика — это процесс выбора средств реализации проектов власти. Политика — это принятие решения по поводу того, строить новую школу или бассейн, нужно тратить средства на ВПК или на школы и больницы. Данные потребности затем доводятся до сведения органов власти в результате парламентского процесса, а органы власти реализуют их на практике. Таким образом возникает связь между политикой и властью: прежде идет политика, за ней следует власть.

Теперь эта система разрушается, в руках государства остается все меньше власти. В связи с приватизацией и глобализацией некоторые основные прерогативы государства перешли в другие руки. Деньги также теперь сконцентрированы не в руках государства, поэтому власть вышла за пределы национального государства. Меняется роль государства, и оно не может сотрудничать с рынком так, как этого ждет рынок. Поэтому рынок становится более зависимым от внешних сил, а не от сил, расположенных внутри национального государства. В результате политика и власть разделились почти до такой степени, что стали вести как бы совершенно обособленное существование.

На практике это означает, что политики и система государственного устройства теперь автономны друг от друга, как никогда прежде. Они создали структуру, в которой проживают свои отдельные жизни; они гораздо больше отделились от того, чем должны были бы, по нашему мнению, заниматься. Мы называем это автономизацией политики. Когда политиков спрашивают, почему некоторые их действия настолько нерациональны и недальновидны, они отвечают: «Мы поступаем так потому, что можем». Государство создает собственную реальность. «Автономизация» политики приводит к интересным политическим последствиям: серьезные конфликты теперь связаны не с национальными интересами, а с автономными решениями руководства.

II. Страх как замена политики

Настало время пояснить вторую часть моей гипотезы. Я утверждаю, что следствием этих противоречий является постоянный **страх**, который становится стимулом преобразований, страх выступает уже не средством достижения цели, а *ситуативным* политическим *инструментом*, он *фактически* стал сущностью политики. Сегодня страх служит импульсом и обоснованием политики, заменяя другие источники легитимации власти, такие как демократия, справедливость и общее благо. В этой части выступления ключевым доводом будет тот факт, что *страх как политика обладает качественно новой способностью менять политику, нормы и институты*.

Я говорю о том, что мир сегодня не просто наблюдает за недавними проявлениями «политики страха» (Трамп, мигранты), но и в принципе отличается появлением «страха как политики». Обратившись к определению Зигмунта Баумана, согласно которому «политика — это умение решать, что надо сделать и в каком порядке»¹, можно сделать три вывода.

Страх вносит существенный вклад в «умение решать», поскольку политики используют его как предварительное условие, необходимое для принятия решений («мы должны поступить так из-за иммигрантов, мусульман и т. д.»). Кроме того, страх выступает критерием отбора того, что надо сделать. Так, приоритетом политики становится не образование или охрана окружающей среды, а уязвимые к страху сферы, например безопасность, отношения между расами или занятость. Наконец, страх влияет на содержание того, что надо сделать (например, если мы боимся иммигрантов, иммиграционная политика станет довольно жесткой по отношению к приезжим).

¹ Беседа Зигмунта Баумана и Винсента Делла Сала «Создайте заново социальное государство». См.: 22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers / eds. P. Dutkiewicz, R. Sakwa. N. Y. : New York Univ. Press, 2013. P. 189.

Сегодня ключевые сферы, такие как миграция², охрана и безопасность³, рынок труда⁴, развитие⁵, отношения между расами⁶, демократия⁷, международные отношения⁸, охрана окружающей среды⁹, здравоохранение и благополучие граждан, определяют страх (либо попытки преодолеть его, либо его использование для легитимизации дальнейшего усиления элит).

Путь от «политики страха» к «страху как политике»

Кори Робин описывает страх как экзистенциальное коллективное состояние разума, которое изобличает «глубокую истину о том, кто мы — как политические игроки, как люди, как народ»¹⁰. На самом деле, судя по всему, все люди на земле в глубине души находятся на грани; кажется, что нет места, избавленного от всеобщих волнений, корни которых кроются в экономической или политической неуверенности, социальной неустроенности, а также в разного рода угрозах безопасности и общей напряженности. Например, в Европе решение вопросов, связанных с миграцией и экономической нестабильностью, приводит к стремительному изменению политического ландшафта (усиливается популизм, а силы в большой политике смещаются в сторону многочисленных правых партий) с дестабилизирующими последствиями¹¹. В США желание бросить вызов прежним нормам

² Huysmans J. The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. L. : Routledge, 2006.

³ Furedi F. Fear and Security: A Vulnerability-led Policy Response // Social Policy and Administration. 2008. Dec. Vol. 42, iss. 6. P. 645–661.

⁴ Blanchflower D. G., Shadforth C. Fear, Unemployment and Migration // Economic Journal. 2009. Febr. Vol. 119, iss. 535. P. 136–182.

⁵ An Economy for the 99 %. OXFAM Report. 2017. Jan. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-en.pdf.

⁶ См., например: Ioanide P. The Emotional Politics of Racism // Stanford Studies in Comparative Race and Ethnicity. 2015.

⁷ Sleeper J. A History of Unwarranted Fears of Tyranny. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2016/05/12/is-tyranny-around-the-corner/a-history-of-unwarranted-fears-of-tyranny>.

⁸ Taras R. Fear and the Making of Foreign Policy. Förlag: Edinburgh Univ. Press, 2015.

⁹ Сторонники охраны окружающей среды боятся, что «прогрессу в вопросах климата пришел конец» после выбора Трампа президентом США (Ritter K., Borenstein S. The Associated Press. 2016. 9 Nov.).

¹⁰ Кроме того, Кори Робин отмечает: «Политика страха не выявляет, не пробуждает и даже не полагается на угрозы, реальные или ложные. Она не является эмоционально заряженной (хотя какая политика обходится без этого?) или параноидальной. У нее совершенно иное значение: это политика, основанная на страхе, ее вдохновение и значение — порождение страха, именно в страхе она видит богатство опыта и дополнительную глубину, которые невозможно найти где-либо еще» (Robin C. Against the Politics of Fear. URL: <https://www.jacobinmag.com/2016/12/against-politics-fear-trump-republicans-organizing-change>).

¹¹ The Rise of Populist Extremism in Europe : Chatham House report. URL: <https://www.chathamhouse.org/media/news/view/178303#sthash.iipNi7ot.dpuf>.

политического поведения и институциональным структурам стало политической площадкой для нового президента¹². В быстро развивающейся Азии стремление нагнать Запад вызывает разного рода социальные, политические и экологические противоречия, из-за чего регион теряет уверенность в будущем¹³. Всего несколько африканских стран демонстрируют экономический рост и социальную стабильность среди всеобщего политического хаоса¹⁴. И наша точка зрения состоит в том, что страх уже не ограничивается одной страной или регионом — он стал глобальным явлением.

Как заявляет Зигмунт Бауман, опасности существовали всегда, но сегодня все по-другому. Он считает, что мы живем в состоянии «постоянной неопределенности, которое порождает тревогу»¹⁵, и добавляет: «Сегодня... люди беспокойны, растеряны и не способны действовать четко и уверенно».

Страх способен стать инструментом трансформации государственной политики, делая ее более «чувствительной к страху» (так, например, происходит *наполнение страхом* иммиграционной политики, секьюритизация национальных отношений, введение торговых ограничений и усиление наблюдения за гражданами). Но это еще не формирует явление, которое мы называем «страх как политика». Это просто новое воплощение старой политической стратегии использования страха в качестве удобного инструмента влияния на электорат. Чтобы перейти на следующий уровень в рассмотрении данного вопроса, необходимо проанализировать страх под другим углом. Поскольку ключевым положением данной работы является тот факт, что *страх как политика обладает качественно новой способностью менять политику, нормы и институты*, понятие «текущий страх», предложенное З. Бауманом, представляется оптимальным для объяснения

¹² Kuntzman G. A Trump presidency means Americans can forget all political norms going forward // New York Daily News. 2016. 9 Nov. Wednesday. URL: <http://www.nydailynews.com/news/politics/president-trump-means-no-political-norms-america-article-1.2865226>.

¹³ <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2016/apd/eng/areo0516.htm>.

¹⁴ The Economic Development in Africa Report 2016 : Debt Dynamics and Development Finance in Africa. UNCTAD. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2016_en.pdf.

¹⁵ <http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html> (дата обращения: 08.03.2017).

нового политического потенциала страха, возникшего с расцветом и закатом глобализации. Позвольте кратко обрисовать этот подход.

«Страх тоже текучий, — поясняет Бауман. — Мы не знаем, откуда он прибывает, он не задерживается на одном месте, а распространяется. И опасность текучего страха состоит в том, что в отличие от конкретной угрозы, о которой вы знаете и с которой уже знакомы, вы понятия не имеете, откуда ждать удара. <...> Больше нет надежных институтов, к которым мы могли бы обратиться и могли бы доверить свои надежды и ожидания. Даже самые могущественные правительства зачастую не могут исполнить своих обещаний. Их власть недостаточна для этого»¹⁶.

Это приводит нас к ситуации, когда все наши общества испытывают — по отдельности или коллективно — неопределенность, неуверенность в будущем во всем социально-политическом спектре, абсолютно бессильны перед лицом проблем и не в состоянии контролировать ситуацию. Наш ответ состоит из трех частей: 1) утрата доверия к государству и рынку; 2) разделение власти и политики; 3) усиление (а затем радикализация) социальных барьеров сразу в нескольких вопросах (в основном из-за неравенства, идеологии, идентичности и власти). Таким образом, страх становится систематическим (всепроникающим), поскольку присутствует в каждом аспекте нашей жизни, но при этом ключевые структуры, назначение которых — устранение его коренных причин (в частности, государственные учреждения социального обеспечения, профсоюзы, поставщики услуг, общественные организации), прекратили свое существование либо их полномочия были урезаны.

Видимо, наступил период стратегической нестабильности, на котором мы утратили большинство защитных механизмов против неустойчивости рынка и репрессивности государства. За последние двадцать лет граждан постепенно лишили «защитной оболочки» социального государства (государства всеобщего благосостояния). Волны приватизации отняли у государства

¹⁶ *Bauman Z.* URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html> (дата обращения: 08.03.2017).

большинство привилегий, которые и делали их столь привлекательными для граждан¹⁷. Однако будет ошибкой полагать, что страх — явление, характерное для низшего и среднего классов, которым свойственна неуверенность, замешательство и незащищенность. То же можно сказать и о высших слоях общества. Именно к такому заключению пришли в своем исследовании капитала Джонатан Нитцан и Шимшон Бихлер¹⁸.

Мы наблюдаем за ростом популизма в Европе, США, Азии и Латинской Америке¹⁹. «Сторонников РЕР (популистских экстремистских партий. — *Прим. авт.*) зачастую сбрасывают со счетов как участников политических протестов, избирателей одного вопроса или неимущих неудачников эпохи глобализации, — пишет Мэтью Гудвин в докладе Chatham House о популистских правых экстремистах. — На выборах большинство успешных партий вербуют сторонников из граждан экономически уязвимого низшего или среднего класса, из квалифицированных и неквалифицированных работников физического труда. <...> Однако всех их сторонников объединяет одна главная черта: их глубокая враждебность к иммиграции, мультикультурализму и усилению культурного и этнического разнообразия»²⁰. Приводя из множества примеров, служащих подтверждением нашей позиции, самый недавний²¹, мы обращаем внимание на тот факт, что основанная на страхе политика занимает место обычной не только в силу утраты доверия к власти и ее отделения от политики, но также с помощью политических партий и тактик предвыборной борьбы. Это приводит нас к «нормализации» страха в большой политике.

¹⁷ Bauman Z. Archipelago of exceptions. 2005. URL: <http://www.publicspace.org/ca/text-biblioteca/eng/b015-archipelago-of-exceptions> (дата обращения: 19.03.2017).

¹⁸ Bichler S., Nitzan J. Systemic Fear, Modern Finance and the Future of Capitalism. Jerusalem ; Montreal, 2010. URL: <http://bnarchives.net>.

¹⁹ Taylor A. The global wave of populism that turned 2016 upside down. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/12/19/the-global-wave-of-populism-that-turned-2016-upside-down/?utm_term=.89cd7b6968e9 (дата обращения: 19.03.2017).

²⁰ The Rise of Populist Extremism in Europe : Chatham House report. URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/178301>.

²¹ См.: Dionne F. J. The new politics of fear. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-politics-of-fear-is-gripping-democracies-across-the-world/2016/12/04/2de10712-b8c8-11e6-959c-172c82123976_story.html?utm_term=.1d6956e28049 ; Freeman H. Don't play identity politics! The primal scream of the straight white male. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/02/identity-politics-donald-trump-white-men> ; BatTzedek E. Identity Politics and Racism: Some Thoughts and Questions. URL: <http://feminist-reprise.org/library/resistance-strategy-and-struggle/identity-politics-and-racism-some-thoughts-and-questions>.

III. Реакция государственных и негосударственных игроков: повторная гегемонизация мировой политики

Как можно установить и удерживать гегемонию в современной мировой политике?

Гегемония: что это такое?

Гегемония объединяет: а) централизованный контроль над материальными ресурсами; б) лидирующее положение в определении правил общественного устройства и в) мировоззрение, убеждающее людей, что сильная власть действует в их интересах. Принципиальным является тот факт, что гегемония претендует на легитимность, на основании которой все, на кого распространяется ее господство, охотно принимают свое положение.

Гегемония имеет значение не только для мировой политики: она играет важную роль в местном и национальном масштабе. Для большинства современных обществ характерны трансграничные потоки товаров, знаний, средств, людей, загрязнителей и насилия. Аналогично общественным отношениям внутри страны трансграничные связи привлекательны для правительства, а именно для режимов, которые стремятся привести упорядоченность, предсказуемость и контролируемые изменения в жизнь общества. Когда мировой порядок достигается за счет узаконенного главенства доминирующей власти, мы говорим, что в игру вступает международная или глобальная гегемония.

На ком лежит ответственность за гегемонию?

Существует несколько различных теорий относительно того, какая именно господствующая сила сумеет добиться гегемонии в мировой политике. Например, согласно либеральным и реалистическим теориям международных отношений, ответственность за гегемонию ложится на одно главенствующее государство. В данном случае правительство конкретной страны контролирует

превосходство в материальных ресурсах, спонсирует режимы других государств и содействует продвижению ценностей и представлений, которые находят отклик за пределами данной страны. Таких подходов обычно придерживаются Великобритания и США, которые являлись гегемонами XIX и XX веков соответственно. Многие либералы и реалисты также задумываются о том, суждено ли Китаю стать следующим гегемоном.

Неограмшизм, напротив, возлагает ответственность за мировую гегемонию на глобальный капитализм и транснациональный класс капиталистов. С этой точки зрения главенствующей силой, устанавливающей мировой порядок, становится накопление избыточного капитала. Основные игроки в этой сфере — многонациональные корпорации, «стержневые» государства (G7/G20), глобальные правительственные структуры и общепризнанные научно-исследовательские центры. По мнению сторонников неограмшизма, гегемонистские силы продвигают узаконенное главенство капитала в глобальном масштабе, в то время как разного рода контргегемонистские движения сопротивления (например, бедняки из городов и деревень) стремятся лишить глобальную доминирующую силу законной власти и разрушить ее.

В теориях постиндустриализма гегемония в мировой политике занимает место в правящей системе знания (которую также называют дискурсом или эпистемой). Согласно данной концепции, верховная власть в мировом сообществе принадлежит определенным языкам и сознанию. Сторонники постиндустриализма часто считают Просвещение и рационализм гегемонистским режимом современности, основанным на знаниях, получаемых благодаря науке, образованию, средствам массовой информации и т. д. Многие теоретики, придерживающиеся данного подхода, придают особое значение неолиберальным правительствам в дискурсе рыночной цивилизации и секьюритизации в дискурсе риска как наиболее конкретным вариантам просвещенного знания, которое правит современной мировой политикой.

Гегемония возникает, так как субъекты с готовностью принимают данные установки как истину.

Согласно постколониальным теориям, гегемония в мировой политике — это вопрос принятия главенства западного империализма (или сопротивления ему), а также свойственной ему иерархии общества в соответствии с классом, гендерной принадлежностью, географией, расой, вероисповеданием и сексуальной ориентацией. Гегемония империализма, как правило, действовала с помощью колониального порядка, навязываемого одной страной внешним территориям. Сегодня возникает неоколониальный порядок: он проявляется в том, что «независимые» государства объединяются с внешними силами, например с правительствами стран-доноров, международными организациями и неправительственными организациями (НПО). Более того, гегемонистская суть такого доминирования ведет к тому, что подчиненные (нео)колониальные субъекты считают, что империалистическая держава имеет полное право руководить ими: так происходит, например, когда цветное население начинает перенимать расизм. С другой стороны, с точки зрения постколониалистов, контргегемония рождается, когда общественные движения (ЛГБТК+, движения женщин и т. д.) бросают вызов империи.

Таким образом, существует множество трактовок гегемонии в мировой политике.

Как осуществляется мировая гегемония?

Помимо разработки различных концепций гегемонии в мировой политике существуют разнообразные техники, которые могут задействовать гегемонистские силы, чтобы обеспечить законность своего господства. Как же создать и сохранить мировую гегемонию? И как ей могут противостоять контргегемонистские силы?

Каждая трактовка концепции предполагает приоритет определенного инструмента гегемонии, зачастую отражая ее теоретическую составляющую. Так, Слоан, рассуждая с реалистической точки зрения, особо выделяла

инструменты войны. Гейгер — представитель либерального течения — подчеркивал роль международных организаций как двигателей мировой гегемонии. Жермен — сторонник неограмшизма — сконцентрировался на деньгах. Чебанкова, придерживаясь идей постиндустриализма, особо подчеркивала роль идей. Парашар, опираясь на постколониальный подход, сделала акцент на значении скрытой борьбы.

Однако вместо того, чтобы составлять длинный и разрозненный перечень отдельных инструментов, следует разграничить несколько обширных категорий гегемонистских (и контргегемонистских) практик в мировой политике. **В связи с этим можно предложить четырехчастную типологию материальных, дискурсивных, институционных и перформативных техник.** Разумеется, разграничения вводятся для удобства анализа: на практике четыре аспекта часто пересекаются или накладываются друг на друга.

1. Благодаря материальным методам главенствующая сила мирового сообщества использует экономические ресурсы для получения законной власти. Такие ресурсы могут быть реально ощутимыми — к ним относятся сырье, промышленные предприятия и вооруженные силы. Также решающую роль могут сыграть деньги и финансы, пример тому — гегемонистское использование доллара США, банковских займов, «помощи» из-за рубежа и т. д. Сегодня материальный аспект гегемонии подразумевает помимо прочего контроль за цифровой экономикой, представленной данными и изображениями, а значит, и установление правил в этой сфере.

2. Благодаря дискурсивным методам гегемония сохраняет за собой законное главенство в мировой политике, используя средства и значение языка. Готовность подчиняться обеспечивают фигуры речи (например, «сообщество», «демократия» и «справедливость»), которые представляют высшую силу как благо. Аналогичным образом политическая риторика (концепции «прозрачности», «развития» и «безопасности») проявляет позитивный посыл с целью легитимизации системы доминирования, как это делали все гегемоны в истории. Кратко говоря, гегемонистские дискурсы формируют сознание

(«режимы истины»), при котором объекты доминирования искренне уверены в том, что оно является благом.

3. Институциональные методы помогают гегемонистским силам создавать и контролировать организационные аппараты, обеспечивающие правила законного доминирования. С одной стороны, к этим механизмам относятся структуры, формулирующие и регулирующие официальные правила (на местном, национальном, региональном или глобальном уровнях). С другой стороны, мировая гегемония действует с помощью менее формальных органов власти в лице организаций гражданского общества, фондов и научно-исследовательских центров, которые занимают центральное место в создании господствующих дискурсов.

4. Перформативные техники сохраняют мировую гегемонию с помощью определенных норм поведения и ритуалов. Например, гегемония государств выражается в церемониях подъема и спуска флага, памятниках, национальных праздниках и военных парадах. Гегемония финансового капитала проявляется в скоплении сверкающих небоскребов, возвышающихся в центрах глобальных городов. Гегемония современной науки проявляется среди прочего в проведении конференций, вручении научных премий и церемоний вручения дипломов. Контргегемония также имеет свои средства выражения — уличные марши, искусство диссидентов и т. д.

Как уже говорилось, события, знаменующие мировую гегемонию, как правило, происходят благодаря сочетанию этих четырех методов. Независимо от того, кто становится гегемоном — государство, капитал, империя или что-то еще, гегемония формируется и поддерживается с помощью совокупности материальных, дискурсивных, институциональных и перформативных техник. Ни одна из них не является эффективной сама по себе. Например, чтобы контролировать нормотворческие институты, гегемонистская сила должна управлять ресурсами, риторикой и ритуалами. Аналогичным образом использование дискурсивных техник требует экономической поддержки, институциональной основы и формального представления.

Разумеется, столь краткое рассуждение на эту тему не дает ответа на вопросы, вокруг которых ведутся ожесточенные споры: существует ли гегемония в современном мире, в какой именно форме и какие техники она использует? Однако, возможно, представленная здесь схема поможет конкретизировать и систематизировать эти дебаты.